

Возмездие. Никогда не поздно

Автор:

[Михаил Нестеров](#)

Возмездие. Никогда не поздно

Михаил Петрович Нестеров

Спецназ ГРУ

В 1995 году сотрудникам новой силовой структуры, так называемого Ситуационного центра, было приказано уничтожить представителей высшего руководства Главного разведывательного управления. Сотрудники с заданием успешно справились: генерал Болдырев и полковник Джиганшин были убиты. Прошло семнадцать лет. Ситуационный центр прекратил свое существование, спецагенты ушли в отставку и о совершенных убийствах старались не вспоминать. Но в один прекрасный день спокойная жизнь бывших киллеров превратилась в настоящий кошмар: объявился загадочный мститель и начал методично их отстреливать...

Михаил Нестеров

Возмездие: никогда не поздно

«Список моих преступлений был безграничен».

Гарри Гаррисон

В книге использованы материалы руководства по освобождению заложников «Антитеррор», автор Лерой Томпсон, а также данные из электронной библиотеки Википедия.

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое их сходство с действительными лицами чисто случайное. Имена, события и диалоги не могут быть истолкованы как реальные, они – результат писательского творчества. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

Вместо пролога

Шесть разгневанных мужчин

Москва, 13 октября 1995 года, пятница

...Водитель бежевой «Волги» в очередной раз бросил взгляд в зеркало заднего обзора:

– За нами хвост.

– Уверен? – Полковник Джиганшин настроил боковое зеркальце под себя и некоторое время смотрел на вереницу машин, довольно бойко ехавшую в этот час по Садовому кольцу, сейчас они находились на пересечении с Олимпийским проспектом, следующая улица – Самотечная, убегающая на север столицы. Ему сразу бросился в глаза микроавтобус «Фольксваген» с непроницаемыми стеклами. И все же он решил удостовериться: – Серый тонированный «фолькс»?

– Ну.

– Ты не «нукай».

– Я не «нукаю», Владимир Михайлович, – чуточку нервно отозвался водитель. – Моя работа – замечать все, что впереди, и все, что позади. Вот когда сами сядете за руль...

В это время «Фольксваген» совершил маневр, открыто говоривший о слежке: притормозил, пропуская вперед серебристую «Ладу», и пристроился ей в хвост.

– Ладно, дадим ему увязнуть, раз он так хочет, – проговорил водитель.

– Тебе решать...

Не подавая сигнала, водитель резко свернул направо, к торговому центру, больше походившему на рынок стройматериалов. Отделочные работы по фасаду громадного здания были закончены, но мешки с цементом, груды разобранных лесов, штабеля плитки и мотки заградительной сетки заполнили добрую половину двора, создавая некий лабиринт, в который и влетела «Волга». Казалось, столкновение с горкой поддонов неизбежно, но водитель показал, что маневр «поворот» он способен проходить на высокой скорости. Торможение, ускорение, еще один поворот, еще... И все же он не справился с управлением, а точнее – с волнением: служебная «Волга» с ходу вмазалась в поддон с плиткой. Машину развернуло так, что для очередного маневра не осталось пространства, и она фактически закупорила проезд. Но водитель не сдавался, переключаясь с передней передачи на заднюю и отчаянно выворачивая баранку...

Он взглянул направо. Обзору мешал полковник (тот в это время матерился на мобильный телефон и весь стандарт сотовой связи, так как не мог связаться с милицией из машины, хотя антенна телефона по высоте не уступала автомобильной), и все-таки водитель в деталях сумел разглядеть преследователей. Боковая дверца микроавтобуса отъехала в сторону, выпуская четырех одетых в черное и вооруженных дробовиками мужчин. Двое из них, перемахнув через капот, взяли на прицел водителя, двое других контролировали каждое движение полковника ГРУ. Едва стекло со стороны водителя поползло вниз, ближайший к нему боевик выстрелил ему в голову, и, смертельно раненный, он повалился на своего пассажира. Полковник, придержав его голову рукой, невольно придвинулся к дверце. Один из четверки нападавших распахнул ее в тот момент, когда из «Фольксвагена» вышел, по всей видимости, командир этой группы и сделал знак кивком головы. Боевики тут же выволокли Джиганшина из машины. Полковник дернул плечом, но тут же получил прикладом в ключицу. Еще один удар, и он оказался на спине.

Командир кивнул одному из своих боевиков в надвинутой на глаза вязаной шапочке. Тот выдвинулся вперед, передернул затвор помпового ружья, загоняя

патрон в ствол, и прицелился Джиганшину... в плечо. Выстрел – и тут же лицо и руки стрелка забрызгало клочьями одежды и кровью. Ему пришлось выстрелить еще дважды – второй раз в верхнюю половину головы, только тогда полковник затих. Он лежал с настежь распахнутыми глазами, залитыми кровью, и открытым ртом.

Сплюнув сквозь зубы на изуродованное тело полковника, опер повернулся к товарищам. Самый старший из них по возрасту усмехнулся:

– Ты похож на фотографа. – И стволом ружья указал на обезображенный труп военного: – Голова срезана, и глаза красные.

Глава 1

«Два билета на дневной сеанс»

Начальнику Главного разведывательного управления

27 мая 1996 года

Релизер сообщает:

«На базе так называемого ситуационного центра, расположенного по адресу: г. Москва, Большая Дмитровка, дом... функционирует специальное военизированное подразделение. Предположительно убийство полковника ГРУ В. Д. Джиганшина совершено членами этого подразделения в 1995 году».

Эту служебную записку начальник разведуправления получил от оператора Релизера, подполковника Михаила Янова. Сам Релизер работал в Управлении программ содействия Федеральной службы безопасности. К записке агента оператор приобщил еще один документ – указ о создании Ситуационного центра при аппарате президента. С ним Лысенков познакомился еще в 1993 году и

помнил его наизусть, потому что он фактически дублировал еще один документ – о создании схожей организации в МВД. Подобные группировки множились как ядовитые грибы после кислотного дождя, подумал начальник и все же пробежал глазами текст Указа об образовании Ситуационного центра (далее – Структура) за номером 100-КАОП от 16 июня 1993 года...

Сергей Николаевич Лысенков не терпел незавершенных дел в своем ведомстве. Помня поговорку: «Если гора не идет к Магомеду, то Магомед идет к горе», в одном деле («деле Джиганшина») он усмотрел два интереса: помочь следственным органам выйти на след убийц и закрыть «внутреннее» дело.

Начальник разведуправления вызвал к себе подполковника Янова. Небольшого роста, полноватый, одетый в военную форму, он на секунду вытянулся по стойке «смирно» на пороге просторного кабинета и произнес:

– Здравия желаю, товарищ генерал-полковник! Разрешите?

– Здравствуй, Михаил Николаевич! Проходи. Ознакомился с твоим донесением. Луч света в темном царстве, да?

– Похоже на то, – ответил Янов, устраиваясь за столом для совещаний напротив начальника.

– Сообщение от Релизера – только заголовок к книге, а мне нужно прочесть весь текст. Ты встречался с агентом?

– Так точно.

– Рассказывай. Погоди, он назвал источник, из которого почерпнул сведения?

– Как это часто бывает, информация просочилась из кулуаров. Во время работы конференции, посвященной созданию единой экономической разведки, некто полковник Жердев выразил своему собеседнику неудовольствие по поводу способа «понижения в должности полковника ГРУ», что на профессиональном языке означает убийство.

- Полковник Жердев – далеко не некто, – оживился Лысенков. – Он и есть глава Структуры. Значит ли это, что ликвидация Джиганшина входила в его планы, а вот способ ликвидации – нет?

- Именно так. Видимо, что-то у них пошло не плану, и они по ходу операции изменили его.

- Кто собеседник Жердева, Релизер сообщил?

- Да. Жердев беседовал со своим подчиненным, руководителем оперативной группы. Его зовут Виктор Биленков, 1969 года рождения. Работал в угрозыске. Характеризуется как опытный, добросовестный, порядочный и так далее. В 1995 году уволился из органов внутренних дел в звании капитана и был принят в Структуру в качестве оперативного работника.

- Значит, в органах он проработал не более трех лет.

- Включая службу в спецназе внутренних войск и обучение в школе МВД – восемь лет.

- Что нам известно об убийстве Джиганшина на этот час? – спросил Лысенков и сам же ответил: – Все то же, что и год назад. Освежи-ка нашу память, Михаил Николаевич, коротко и емко, как ты умеешь.

Янов продемонстрировал свое умение буквально в двух словах:

- В тот день, 13 октября 1995 года, Джиганшин возвращался на служебной машине из Басманного суда: он обвинялся по статье «О публичных призывах к насильственному изменению конституционного строя» и был судом оправдан. Полковник состоял в приятельских отношениях с генералом Болдыревым, организатором движения в поддержку армии, военной науки и оборонной промышленности. Болдырев – неподкупный, популярен в народе, новый человек в политике, у него безупречное прошлое, и он имеет в будущем шансы на президентское кресло. По неустановленным причинам, служебная «Волга» Джиганшина оказалась на пустующей площадке торгового центра, где разыгралась кровавая драма: водитель и сам полковник Джиганшин были зверски убиты. Собственно, сфабрикованное против Джиганшина дело – предупреждение генералу Болдыреву. А расправа над Джиганшиным –

демонстрация будущей казни генерала.

– Пару слов о конференции, – попросил начальник управления и, поднявшись, стал прохаживаться по кабинету.

– Конференция состоялась в гостинице «Националь», называлась она «Безопасность в сфере финансов» и финансировалась из Фонда поддержки АСБ – Ассоциация служб безопасности. Я бы хотел остановиться на ней более подробно. – Дождавшись согласного кивка, Янов продолжил: – Уцепившись за Жердева, точнее, за его кулуарную несдержанность, мой агент потянул ниточку и провел собственное расследование. Итак, на базе Структуры создается группа быстрого реагирования. Понятие «быстрое реагирование» не означает экипированных по-боевому, вооруженных до зубов боевиков. Никто ни разу не видел на них подобия формы. Двое из них служили в спецназе и имеют криминальное прошлое – это Сергей Хатунцев и Тимофей Лебедев, два в одном: боевики и эксперты в криминальной среде. Затем два офицера в отставке: Николай Андреасов и Игорь Кравец, два оперуполномоченных – Виктор Биленков и Шевкет Абдулов. Абдулов в прошлом был опером в относительной глубинке – Нарофоминский район. Все они вместе могут решить практически любую задачу и представляют собой этакий клуб знатоков с девизом: «Вместе мы – сила». Конечно же, по отдельности они относительно слабы, но как команда – на высоте. Структура расследует, а точнее сказать, оперативно реагирует на горячие и резонансные дела, работает, как это принято называть, «на правительство». Согласно «Положению о статусе Структуры», созданной по указу президента и министра внутренних дел за номером 100-КАОП от 16 июня 1993 года, таким ведомствам, как МВД, ФСБ, МЧС, и некоторым другим вменялось содействовать «офицерам Структуры» в получении «полной и достоверной (затребованной) информации», а также «техническими и организационными возможностями».

– Вчера еще уголовники, сегодня уже силовики, борющиеся с преступностью, – заметил Лысенков, возвращаясь на свое место. – Скажи, Михаил Николаевич, тебе не приходило в голову, что эта группировка – прародитель Ситуационного центра?

– В смысле, сначала яйцо, а потом курица?

– Да.

- По правде сказать, нет.

- Хорошо. Какие еще детали сообщил тебе Релизер?

- Можно сказать, незначительные. Члены группировки используют в работе поддельные удостоверения личности – МВД, ФСБ, ФАПСИ. Группировка упоминается как опергруппа, а ее члены – как оперативники.

- У тебя есть конкретные соображения по этому делу?

- Когда я прочитал донесение агента, в первую очередь подумал о внедрении своего человека в Структуру. Посмотреть на нее изнутри, выявить связи, наконец получить неопровержимые доказательства причастности опергруппы к убийству Джиганшина.

- Это лучший вариант. Другие версии есть? – на всякий случай спросил Лысенков, хотя невольно и неоправданно рано зацепился именно за эту, выбирая, как в рекламе, лучшее и забывая, что лучшее – враг хорошего. Он отдавал себе отчет в том, какая это трудная задача – внедрение агента. Но организация, которую он возглавлял на протяжении последних четырех лет, специализировалась на подобных операциях и имела богатый опыт. Ни он сам, ни подполковник Янов, ни подчиненные Янова не смогли бы сейчас назвать кандидата на эту опасную роль. Все будет зависеть от характера опергруппы и характера полковника Жердева, через которого осуществлялось ее руководство. Это все равно что подбирать свечу зажигания, не зная характеристик двигателя, подумал генерал-полковник и озвучил свои мысли вслух:

- Был бы двигатель, а свеча всегда найдется.

- Простите?

- Встречайся с Релизером, требуй от него новых деталей. И не стесняйся беспокоить меня. В этом деле пустяков не предвидится. Заводи дело, а я возьму его под личный контроль. – Лысенков вернул Янову его же служебную записку – этакий аналог «двух билетов на дневной сеанс», с которых начался захватывающий советский детектив. Она станет первым документом в деле под определенным номером и с литерой, означающей личный контроль начальника управления.

Подполковник Янов не был, что называется, пехотным офицером, не командовал полком, ни разу ни на кого не повысил голос. Он считался одним из лучших аналитиков Управления, и, если представить себе положение Янова среди ему подобных, оно окажется не ниже десятого места.

У него была странная привычка: он приходил на работу в Управление в гражданской одежде, а у себя в кабинете переодевался в военную форму. В конце смены снова переодевался, и дежурный на КПП Главного разведывательного управления провожал глазами упакованного в деловой костюм человека. Однако Янов не укладывался в стереотип российского бизнесмена, только-только сменившего красный пиджак на традиционный английский: полноватый и неуклюжий, с простодушным выражением лица, одним словом, не игрок. В том смысле, подумал Андрей Маевский, что азарта в нем как бы и нет, или он просто незаметен. Вот в этом плане – в смысле маскировки – полковник Янов был опасен и непредсказуем, мог переодеться в любой момент и предстать либо сугубо гражданским, либо исключительно военным.

Во время сегодняшней беседы с Яновым Маевский, агентурным псевдонимом которого был Релизер, уловил едва различимый запах пороховой гари, исходящий от подполковника, отсюда и начинался ход его рассуждений о полковнике Янове, как о пехотном офицере. Он не нюхал пороха, но давал понюхать его другим? Спорное сопоставление, а точнее, двоякое: малозаметный в быту и один из первых в рейтинге.

Когда дверь за подполковником Яновым захлопнулась, Андрей Маевский, будучи в рубашке с короткими рукавами, поежился, словно в окно к нему заглянула Снежная королева, и бросил взгляд на часы: минутная стрелка пять раз обошла циферблат, пять раз полковник Янов мог подняться на этаж и снова спуститься. Маевский словно дожидался этого момента. Он подошел к секретеру, откинул полированную крышку, снял с полки для хранения бумаг портативный магнитофон и, нажав на клавишу «стоп», остановил запись. Кассета почти закончилась, убедился журналист, осталось не больше минуты. Так и есть – беседа с подполковником Яновым заняла не больше сорока минут. Он перемотал пленку на начало, включил воспроизведение и первое, что услышал, – это щелчок замка закрывшейся крышки секретера. Затем – шаги: это он отправился открывать дверь, в которую только что постучался подполковник Янов. Звук

собственных шагов Андрею показался тяжелым, незнакомым, как собственный голос, записанный на пленку. Щелчок замка, скрип двери (нужно смазать петли), обмен приветствиями: «Здравствуйте, Михаил Николаевич!» – «Здравствуй, Андрей! Здравствуй, дорогой!» – «Проходите. Чаю?» – Пауза. – «Чаю? Пожалуй, нет. Хотя... покрепче, если можно. И еще, можно вымыть руки? Где у тебя туалет?» – Подполковник отчего-то прищелкнул языком, словно к зубам прилипла ириска.

Дверь в туалет он оставил открытой. Вот знакомо загудели трубы (пора менять сальник на кране, раздраженные этим воющим звуком соседи уже давно поставили диагноз и даже сами предлагали исправить кран), в раковине заплескалась вода. Потом все стихло. Журналист отчетливо вспомнил, что дождался тишины и только потом открыл кран на кухне.

Нервы...

Нервы.

Чертовы нервы!

Он налил в чайник воды ровно на два стакана, чтобы вода быстрее закипела, прибавил под ним газ. Помнится, вознамерился заполнить паузу, слегка повысив голос, чтобы не заставлял Янова переспрашивать: «Как добрались, Михаил Николаевич?»

Свисток чайника, щелчок ручки газовой горелки, затем стук дверцы кухонного шкафа, звон чашек и ложек (если прислушаться, можно расслышать шуршание чайных пакетиков...).

Журналист остановил воспроизведение, убедившись, что запись получилась качественной, едва ли не студийной (хотя какая там студийность на обычном кассетнике). Перемотав пленку вперед, он снова нажал на клавишу «Пуск».

«...несколько попыток внедрить своего агента в опергруппу».

Пауза. Резкий, но не громкий звук – это Янов сломал сигарету пополам.

«Принеси мне пепельницу, пожалуйста. Избавляюсь от пагубной привычки, понимаешь, и курю только по половинке».

Щелчок зажигалки. Покашливание... Андрей Маевский прослушал еще один аудиофрагмент – где-то в середине кассеты. Он словно опасался, что из записи выпадет хотя бы один незначительный кусок. Но нет, похоже, чувствительный микрофон не пропустил ни одного звука... Особенно четко, как ему показалось, прозвучал ключевой момент. Вот он:

«...У нас есть и другой вариант: вербовка внутри самой Структуры... Он более быстрый. Отличие в том, что внедряемый агент заслуживает полного доверия руководства, а вербуемый – нет».

«Вы уже подобрали кандидатуру?»

«Да...»

Маевский снова перемотал пленку на начало, вынул кассету и вложил ее в чистый конверт. Задумался на секунду, решая, заклеить его или оставить так, и оставил незапечатанным. Раздевшись до пояса и склонившись над ванной, он умылся, затем, перебрав полтора десятка рубашек, выбрал темно-серую с короткими рукавами, к которой идеально подошел темный полосатый галстук. Черные брюки, остроносые туфли, и он, подхватив «дипломат», шагнул за порог своей «двушки». Но через секунду вернулся, положил чемоданчик на стол, щелкнул замками и, открыв крышку, убрал в него конверт с кассетой. Он будто намеренно оставил его, и возвращение за кассетой что-то значило, он как бы подчеркнул этот важный в своей жизни шаг.

– Вот теперь все, – вслух сказал Андрей, закрывая позолоченные замки «дипломата».

Сегодня работы было невпроворот. Журналисту предстояло завершить работу над документами с пометкой «ОИИ» – для открытых источников информации: о пресечении службой канала вывода денежных средств за рубеж, о пресечении деятельности лиц, причастных к организации международного канала поставок наркотиков, о пресечении деятельности группы лиц, занимавшихся незаконным прослушиванием телефонных переговоров, и еще несколько документов с приевшейся уже «составляющей» – деятельность. Научную педагогическую

деятельность вытесняли занятия в криминальной области, и все это не без подачи Управления программ содействия, в котором трудился на протяжении последних четырех лет Андрей Маевский.

Еще вчера он запланировал пару сверхурочных часов, но сейчас о переработке речь не шла в принципе, наоборот, он подумывал выкроить это время из рабочего графика. А завтра... Завтра он наверстает упущенное. Если потребуется, задержится на работе на два-четыре часа, а может остаться и до утра.

Маевский отложил в сторону папку с номером 270 и снял трубку телефона, когда на часах было четверть двенадцатого. Откатившись на кресле от рабочего стола и вытянув уставшие, затекшие ноги, он едва не уронил на пол телефонный аппарат – не хватило длины витого шнура. Придерживая его рукой, он снова подкатился к столу.

– Развлекаешься? – мимоходом поинтересовалась миловидная сотрудница Управления.

– Угу, – ответил Андрей, провожая ее глазами, затем поздоровался с абонентом, снявшим трубку: – Дмитрий Михайлович? Добрый день! Андрей Маевский из УПСа вас беспокоит.

– Чем обязан вашему вниманию? – быстро сориентировался собеседник на другом конце провода. И журналист отдал ему должное. Тот не промычал выжидающее «мм», не выдал что-то нечленораздельное вроде «я не заказывал информацию» или «у меня нет для вас информации». Единственно, в чем был уверен Маевский, так это в том, что Дмитрий Жердев от встречи с сотрудником Управления программ содействия не откажется.

«Похоже, выпал твой номер», – тихо прошептал журналист.

– Что вы сказали?

– Простите, это я не вам. Я звоню с рабочего места.

– Оставьте мне ваш номер – я перезвоню.

Журналист предвидел такой ход, сам он поступил бы так же. На то, чтобы пробить этот номер, у Жердева уйдут минуты. Ситуационный центр, который он возглавлял, был наделен полномочиями оперативного подразделения ФСБ или МВД.

Прошло четверть часа. За это время Маевский ответил на три внутренних вызова и сам позвонил в соседний отдел. Наконец раздался долгожданный звонок:

– Андрей Александрович?

Он точно помнил, что не назвал Жердеву свое отчество. И так, сейчас глава Структуры имел на руках стартовую информацию на журналиста. И в зависимости от степени важности темы беседы досье журналиста пополнится новыми данными.

– Да, это я.

– У меня плотный график. Вы сможете подъехать ко мне прямо сейчас?

– Пожалуй, да.

– Тогда до встречи.

Журналист дождался, когда трубку первым положит Жердев, и только потом опустил на рычаг свою. Бросил взгляд на часы: неторопливым шагом дойдет до офиса Ситуационного центра к двенадцати часам. Прихватив с собой «дипломат», Маевский зашел в кабинет шефа.

– Я на обед. Не возражаете, если задержусь на час-полтора?

– Напомни мне об этом в день полочки, – мрачно отшутился начальник отдела, выпускник МГИМО и несостоявшийся дипломат.

Контрольно-пропускной пункт в Структуре был лишен оригинальности: ворота для въезда машин и, собственно, проходная. Внутри помещения – барьер-конторка, за которой явно скучал полноватый караульный в коричневатой полувоенной форме, походивший на неонациста, да еще и с косой

«гитлеровской» челкой. Через распахнутую дверь журналист разглядел ярко освещенную лестничную клетку и начало бетонного марша, ведущего наверх.

– Мне назначено, – сказал он дежурную фразу, опустив приветствие. – У вас есть регистрационный журнал?

– Интересно было бы взглянуть на него, – ответил караульный. – Ваше имя?

– Андрей.

Караульный коротко хохотнул:

– Поднимайтесь по лестнице на второй этаж, Андрей, вас ждут.

«И только там кто-нибудь всерьез поинтересуется моей личностью», – чуточку задетый за живое и разочарованный Структурой, подумал журналист.

– Моя фамилия Маевский, – просветил он караульного, поднявшись на пару ступенек. – Ма-ев-ский.

– Хорошо, запомню. Может, в кроссворде когда-нибудь встретится.

На втором этаже журналиста действительно ждали. Третья по счету дверь была распахнута, в дверном проеме стоял высокого роста человек и делал знаки, поторапливая посетителя.

– Мы с вами встречались раньше? Лицо мне ваше знакомо. Здравствуйте, – надергал фраз Жердев.

– Добрый день. Скорее всего, мы видели друг друга мельком, но не встречались, – ответил журналист, проходя в кабинет Дмитрия Жердева.

Кабинет был необычным, и особенность его заключалась не в размахе, а в двух деревянных пиллерсах, поддерживающих потолок. Это здание старой постройки, такие колонны были сквозными, то есть проходили через всю внутреннюю часть и поддерживали потолок как первого, так и второго этажей. Наголовники пиллерсов походили на исполинские каркасы зонта: один из них,

тот, что ближе к выходу, был приспособлен под вешалку, на нем нашли себе место серый плащ и старомодная шляпа. Вряд ли Жердев когда-нибудь надевает эти вещи, продолжал анализировать наблюдательный журналист, разве что на костюмированный бал.

Жердев дал гостю оглядеться, потом, демонстрируя занятость, бросил взгляд на настенные часы и сказал:

– Насколько я понимаю, ко мне у вас личное дело, Андрей Александрович. Напомните все же, где мы могли видеть друг друга?

– На конференции в гостинице «Националь».

– Вы тоже были приглашены на этот съезд? – пожал плечами Жердев. Он умолчал о том, что принимал участие в разного рода семинарах и конференциях, посвященных вопросам безопасности – национальной, финансовой, ядерной, промышленной, общественной и так далее, но подробно остановился на советах, которые лично называл «встречей выпускников». – На них слетаются, как мухи на мед, директора департаментов, технические директора, ведущие специалисты, юридические советники, председатели комитетов «чего-нибудь», обо что язык сломаешь: «GroupIC», «ЮБ ЗАО МСК», «СОПМ-КОН» и прочие, образованные и возглавляемые, как правило, отставными офицерами спецслужб. Для кого-то такие конференции – это модные тусовки, для меня – возможность обсудить дела... только краем касающиеся темы собрания, – с небольшой запинкой закончил Жердев.

– Вы не из тех, кто свободное время любит проводить в музеях, назначая там свидания своим агентам, верно?

– Перечитывали недавно Юлиана Семенова?

– Взял его книгу в руки сразу после окончания конференции, где стал свидетелем вашего разговора с Виктором Биленковым. Имя я прочел на его бейджике. Я заметил, что эта штука для него в диковинку. Он то отцеплял, то прицеплял его на пиджак, смотрел на свое фото, читал свою фамилию, шевеля губами. Одним словом, как говорил Тургенев: «Невежда он был круглый, ничего не читал».

– Я бы предостерег вас отзываться в пренебрежительном тоне об этом человеке. Вы не знаете, кто он.

– Напротив, я знаю, кто он: руководитель вашей оперативной группы, возможно, причастной к зверскому убийству полковника Джиганшина из Главного разведуправления. О чем я на следующие сутки и доложил своему оператору – подполковнику ГРУ Михаилу Янову.

Жердев широко улыбнулся, показывая ровные отбеленные зубы. Он был искусным притворщиком, любой судья поверил бы даже его жестам, не говоря уже о словах. Вопросов у него накопилось много, и за короткий срок, а вот выбрать первый из них – потребовалось время, отсюда и такая реакция. Он и сам был приверженцем такой тактики: ошеломить собеседника, задавить его вопросами и аргументами и, наблюдая за реакцией, держать нити разговора в руках.

– В моем «дипломате» нет записывающего устройства, о чем вы подумали, – продолжил Маевский. – Но там есть аудиокассета – фонограмма моей беседы с подполковником Яновым. На ней ценник, она продается.

– Тут вот в чем дело, – сбросил улыбку Жердев. – Покупателей вы на нее не найдете. Кому интересен треп оператора и его агента? Двое людей строят догадки, переливают из пустого в порожнее. Вы ошиблись номером, дружище...

Журналист встал и, чуть склонив голову, попрощался:

– Извините, что попусту потревожил вас. На всякий пожарный оставлю вам копию – вдруг вас заинтересует оригинал?

– Полагаете, что я буду это слушать?

– Магнитофон выдумали для того, чтобы его слушать. – Журналист вынул из «дипломата» кассету – действительно, копию, которую он подготовил сегодня у себя в отделе, положил ее на стол и вышел из кабинета, не попрощавшись с Жердевым. Он был уверен, что тот окликнет его с порога, что его задержит на выходе охранник и попросит вернуться, даже подумал о том, что его собьет на дороге «случайная» машина.

Маевский ждал телефонного звонка до конца рабочего дня. И еще пару часов, в которые уложилась та самая запланированная переработка. Но работа валилась из рук.

В половине девятого к нему подошел начальник отдела и положил руку ему на плечо:

- Туго с деньгами?

- Почему? – поднял на него усталые покрасневшие глаза Андрей:

- Тебе не стоило буквально воспринимать мои слова, это была просто шутка, – также устало ответил шеф.

А журналист даже в эту минуту не переставал думать о том, что дело его не выгорело.

Михаил Янов окликнул Кравца, когда тот вышел из подъезда и огляделся, цепляя взглядом каждую припаркованную машину, каждого прохожего. Затем Игорь подошел к старому столу, установленному в середине двора, и Янов демонстративно подвинулся на скамейке. Он не думал, что Кравец устроится рядом, и тоже кое-что продемонстрировал – занятость, вздернув рукав пиджака и бросив взгляд на часы.

- Давай знакомиться. Я – подполковник Янов из Главного разведывательного управления. – Вынув из потертого кожаного портфеля папку, Михаил раскрыл ее. – Я вот по какому делу, Игорь. Твой дед – Павел Ильич Кравец – во время учебы в Военной академии имени Фрунзе весной и осенью 1921 и 1922 годов выезжал в Турцию в качестве секретаря военного атташе. Он – член РКП большевиков с 1924 года. Окончил курсы усовершенствования по разведке при разведуправлении РККА. До 1938 года – секретный уполномоченный спецотделения «А» Разведупра, через два года возглавил этот отдел, а также воевал в Испании. Он был военным разведчиком, сукин ты сын! А ты?

- Что я?

- Свернул не на ту дорогу.

- А что, мне надо было пару раз съездить в Турцию, подставиться в Испании, встать на лыжи в Финляндии? Вы ничего не сказали о подвигах моего деда во время советско-финской войны.

- Как выясняется – не зря, ты хорошо знаешь биографию Павла Ильича. Поговорим о твоих подвигах?

- Я только сбегаю за орденами.

- Сядь! – осадил его подполковник. – Сядь и послушай, куда приведет тебя дорога, на которую ты свернул. Ситуационный центр – лишь красивая и дорогая вывеска. Опергруппа – это лоск, за которым прячется банда. Тебе только кажется, что ты и твои дружки держите за дураков всех, включая настоящих оперативников. Протекторат Структуры – а тебе, видно, слышится «Приорат Сиона» – кажется тебе совершенной защитой, и, находясь под управлением одной личности, ты готов на самую грязную работу. Может быть, ты чувствуешь себя солдатом, наемником, но это ошибочное чувство, ты на самом деле вымогатель, насильник и убийца. А кто твои товарищи, Игорь? Может, в служении Жердеву на них опустилась божья благодать? Или они прониклись к нему святой любовью? Татуировки на теле Сергея Хатунцева кажутся тебе иконами? Жесты Виктора Биленкова – молитвенными знаками? Но когда он отсчитывает моменты на старте очередной акции, он отнимает твои годы. Хорошо, если бы речь шла только о продолжительности жизни.

- Не играйте на моей совести, подполковник, у меня ее нет, – сощурившись, поиграл желваками Игорь.

- Да тебе даже заложить нечего... Я обращаюсь к твоему разуму. Ты человек неглупый и пойдешь на сделку. Если откажешься, я в корне изменю мнение о тебе. Я не призываю пойти на сделку со своей совестью – ты прав, у тебя ее нет, и не предлагаю тебе тайную сделку.

- Тогда чем вы меня можете обрадовать?

- Знаешь, что такое «сделка кэш»?

- Просветите.

- Это операция, при которой оплата производится наличными.

Янов заметил заинтересованность в глазах своего собеседника, можно даже сказать, материальную заинтересованность.

- Куришь? – вытащил он из кармана пачку сигарет.

- Нет, – покачал головой Кравец.

- Правильно делаешь. И дальше береги свое здоровье. А я вот пока еще гублю его.

- За какую работу вы мне готовы заплатить?

- Задание простое, – пыхнул дымом Янов. – Ты, верно, слышал об убийстве полковника ГРУ Джиганшина. Я собираю доказательства причастности к этому преступлению вашей опергруппы. Сотрудничая с нами, ты получишь и деньги, и иммунитет от преследования.

В половине одиннадцатого вечера, когда Маевский поставил пиццу в микроволновку, раздался телефонный звонок. Он убавил громкость телевизора на кухне и, придерживая трубку плечом, ответил:

- Алло?

- У него привычка пощелкивать языком? Только не спрашивайте: «У кого?»

- У кого?

- У вашего оператора! – сорвался на него Жердев. – Вот в этом месте, когда он согласился выпить чаю, он прищелкнул языком. Потом еще дважды. Или он разговаривал с вами еще и на птичьем языке?

- Не знаю. Первый раз слышу.

- Приезжайте ко мне в офис и послушайте во второй.

- Если вас привлекли только отдельные отрывистые звуки – запомните: частями, тем более мелкими, пленку я не продам.

- Жду! – отрезал Жердев.

Дежурный (в этот раз лет тридцати, накачанный, бритый наголо парень) беспрепятственно пропустил журналиста в здание и вяло махнул рукой, указывая направление – по лестнице на второй этаж. Журналист открыл дверь в кабинет и увидел Жердева: тот стоял спиной к нему и задумчиво смотрел в окно. Повернувшись, полковник сделал приглашающий жест рукой, и они сели за стол. Жердев включил магнитофон, перемотав немного вперед, и из динамика прозвучал ровный голос подполковника Янова:

«...Мы и раньше получали данные о причастности Структуры к заказным убийствам и по косвенным фактам считали ее виновной в расправе над полковником Джиганшиным. Твоя информация только подтвердила наши опасения и предположения. И мы предприняли ряд мер, в том числе – «крайнюю», самую эффективную».

«Вы говорите о внедрении вашего агента в Структуру?»

«Да. Очень надеюсь на успешную работу нашего источника. У нас есть и другой вариант: вербовка внутри самой Структуры, и он не менее ценен, чем первый, и более быстрый. Отличие в том, что внедряемый агент заслуживает полного доверия руководства, а вербуемый – нет».

«Вы уже подобрали кандидатуру?»

«Да. Молодой... и конченный человек. Но именно поэтому мой выбор пал на него».

«Вам виднее...»

Жердев остановил воспроизведение. Его отчего-то покорило пренебрежительное отношение Янова к Ситуационному центру. В названии «Структура» крылось что-то недостроенное, какой-то каркас или модель, но никак не целое и состоявшееся.

- Кто предложил Янову называть наш центр Структурой?

- Понятия не имею, - пожал плечами журналист. - Я могу закинуть удочку.

- Не даром, разумеется, - тихо, но так, чтобы услышал Маевский, заметил Жердев. - Кстати, почему тебя называют Релизером?

- Ну, в Управлении программ содействия я поначалу готовил информационные сообщения для СМИ, то есть пресс-релизы. Такого работника называют пресс-релизером или просто релизером. И свое первое донесение в адрес Янова я подписал именно так: Релизер.

- Значит, не он придумал для тебя агентурное имя?

- Нет, я сам выбрал его для себя.

- Практично, ничего не скажешь. Как ты попал в Управление программ содействия? Случайно, и случайных людей туда не приглашают?

- Как вы знаете, это подразделение службы безопасности использует наш журналистский опыт в своих целях и передает полученные наработки в обеспечивающие и оперативные службы. Такой опыт существует и в других странах, например, в Великобритании. Меня пригласили на закрытую встречу, где я получил эксклюзивную информацию, а в обмен на эксклюзив согласился на манипулирование как собой, так и добытой мною информацией; тогда я работал корреспондентом в одном из военных изданий. Я отдавал себе отчет в том, что такая сделка больше выгодна Управлению, чем мне лично, но оказался хорош в обеспечении...

- Так уж ли хорош, - усмехнулся Жердев.

- Лучше переоценить себя, чем недооценить.

- Продолжай.

- Так вот, когда в УПСе появилась вакансия, я без труда занял освободившееся место. О своей сделке с Управлением я тут же сообщил в особый отдел ГРУ и вскоре был приглашен для беседы с полковником ГРУ Яновым.

«Так Янов стал оператором двойного агента с оперативным псевдонимом Релизер», - мысленно подвел черту Жердев.

- Еще один вопрос. Ты подслушал наш с Биленковым разговор.

- Да.

- Я еще ничего не спросил, не перебивай меня.

- Извините.

- Разве мы с Биленковым говорили об убийстве полковника Джиганшина? Я что, назвал конкретную фамилию?

- Вы сказали о ликвидации безымянного полковника ГРУ на сленге. Вы были недовольны Биленковым, Биленков был недоволен вами: «Мне надо было его отпустить?» - «Не твое это дело - творить суд и расправу над полковником ГРУ». Я вспомнил только одну расправу над офицером Главного разведывательного управления, и он был в звании полковника.

- Какие еще выводы ты сделал из нашей беседы?

- К сожалению, вы быстро свернули ее, оставив Биленкова одного, и тот снова начал разговаривать со своим бейджиком.

«Похоже, так и было», - вспомнил Жердев, досадуя на свою несдержанность в разговоре с подчиненным.

- Хорошо, я понял. Слушаем дальше.

«Михаил Николаевич...»

«Да?»

«Мне неловко говорить об этом, но... я рассчитывал на вознаграждение».

«...Ты, случаем, не залез в долги?»

Жердев снова отметил беспокойство в голосе подполковника военной разведки, и снова это странное прищелкивание языком. Он не мог объяснить, почему его привлек этот отрывистый звук, как не мог оставить этот вопрос открытым, и снова обратился к Маевскому:

– Слышали? Ну, что это за звук?

– Ах, это... – позволил себе усмехнуться Андрей. – Янов бросает курить.

– Я это уже слышал.

– Он посасывает какие-то антеникотинные конфетки. Они миндалем пахнут.

Жердев покивал. В своих размышлениях о прилипшей к зубам ириске он вплотную приблизился к разгадке.

– Хорошо. Слушаем дальше.

«У меня нет долговых обязательств. Я живу по принципу: не давай в долг и не бери займы».

«Мудро... Конечно, финансовый вопрос будет решен в самое ближайшее время».

Пауза. Жердев уловил в голосе Янова нотки нерешительности или сомнения. Иначе говоря, его последняя фраза воспринималась по-другому: «Возможно, этот вопрос будет решен».

Что ж, Янов был не очень осторожен в выборе интонации, и это стало, наверное, переломным моментом в поведении пресс-релизера: как человек, он сделал выбор в пользу лучшего.

Но и Михаила Янова можно понять. Для разведуправления наступили не самые лучшие времена. Начальника ГРУ перестали приглашать на Совет безопасности (его проводил президент по понедельникам), финансовый поток ослабел. У Жердева сложилось впечатление, что «Аквариум» посадили на самокупаемость, то есть ведение производства, при котором расходы покрываются собственными доходами. Самовыживание, одним словом. В этом плане военное разведывательное ведомство стало уязвимым, и подтверждение тому – сбежавшая на берег корабельная крыса.

– Да, я рассчитывал на вознаграждение, – подтвердил Маевский. – Своим окладом бывают довольны только святые на иконах. У меня есть гараж, но нет машины.

– Гараж «импортный», разумеется.

– Разумеется.

Если бы Янов пригласил журналиста для беседы в свой кабинет, если бы в углу кабинета высился сейф, в котором хранилась наличность, в том числе и в валюте, Жердев не узнал бы о предпринятых против него мерах. С этой мыслью он, стоя к Маевскому спиной, отсчитал пятнадцать тысяч долларов.

– На днях в автосалоне я видел новый «Форд-мондео». Думаю, пятидверный хетчбэк тебе подойдет.

– Речь идет о втором поколении «мондео», как я понял?

– Да.

– Можно сказать, эта машина в комплектации «Верона» создана для меня.

Жердев еще не отпустил журналиста, а в голове у него уже созрел план. Он почти догадался, кто молодая крыса в его опергруппе, и собрался вычислить

агента ГРУ во время последнего, скорее всего, задания. В случае провала (Жердев был реалистом и не исключал такого исхода) или утечки информации стрелки можно будет перевести на Главное разведывательное управление, для этого достаточно будет доказать причастность одного из оперативников к военному ведомству.

Не успели затихнуть шаги Маевского за дверь, а Дмитрий Жердев уже связался с главой опергруппы – Виктором Биленковым.

– Срочно ко мне! – приказал он. Хотя необходимости срочных мер не было. Спецоперацию, которую он назвал «условно-последней», планировалось провести через пять дней – ровно 1 июня. А сегодня было 25 мая.

Виктор Биленков с трудом представлял себе начальный этап вербовки по телефону, даже если телефонный звонок – короткий и содержит всего одно предложение: явиться на Лубянку, на Петровку, в «Аквариум», не важно.

Докладная записка Релизера на имя своего оператора не оставила последнему времени для тщательной проработки плана, и подполковник Янов, положившись на свой опыт, форсировал события: не прошло и суток, как он явился с рабочим визитом к Маевскому. И в ходе этого визита обронил связку ключевых слов: завтра он запланировал беседу с Кравцом (конкретное имя, конечно же, не прозвучало, но прозвучал его «возраст»: он молодой, а Кравец был самым молодым из команды). Вот здесь Дмитрий Жердев допустил ошибку. Ему тоже стоило ускориться: собрать опергруппу и предупредить о провокационных шагах военной разведки. Нет, он не опоздал – просто Янов сыграл на опережение. То есть Жердев наверняка не знал о контакте Янова с одним из его подчиненных и мог выделить только одно: время упущено. Всего несколько часов разделяло две встречи – Янова с Релизером (имя агента Биленков не знал) и Жердева с ним же, и сбрасывать напористость Янова было бы ошибкой. В первую очередь Янов – оперативник, а с учетом его принадлежности к разведуправлению он – оперативно-тактическая единица, способная точно и быстро осуществлять практические задачи.

Янов явился к Релизеру, когда, по сути дела, тот не ожидал визита. Такой же тактики подполковник придерживался и в случае с Кравцом. Тактику, которая приносит результат, не меняют, и это аксиома.

Биленков шел к Кравцу с одной целью – поговорить с ним начистоту, не будучи на сто процентов уверенным в его контакте с офицером ГРУ, расследующим убийство своего сослуживца. Но если выстроить всех оперативников в ряд и спросить, кто из них быстрее пойдет на контакт с ГРУ, Виктор, не колеблясь, ткнет пальцем в Кравца. И ответ был прост, хотя и завуалирован: иммунитет от уголовного преследования.

Биленков шел к Кравцу с фразой из разряда убойных: «Я все равно узнаю правду».

Его внимание привлекла дрогнувшая на окне первого этажа занавеска. Это была «поклевка», и оперативник не мог не среагировать на нее. Почти в каждом доме, и уж точно в каждом дворе, найдется «наблюдатель», который не пропустит ни одного события в «зоне своей ответственности».

Квартира номер 61, автоматически определил он, бросив еще один взгляд на окно с пестрой занавеской. Кравец живет в квартире 71, на третьем этаже этой «хрущевки», окна выходят на другую сторону. Отлично!

Виктор вошел в подъезд, пропахший хлоркой, вытер ноги о тряпку и подумал о том, что теперь «белизной» будут пахнуть его ботинки. Нажав на кнопку звонка, он уставился в «глазок» и ждал, когда его с обратной стороны заслонит тень. Это случилось, когда он досчитал до пяти. И по этому резкому переходу от света к тени он точно представил, что произошло в прихожей. Хозяйка квартиры уже стояла у двери и смотрела в «глазок», потом резко присела, чтобы не выдать себя; а немного выждав, снова выпрямилась.

– Кто?

Биленков раскрыл перед «глазком» удостоверение оперуполномоченного внутренних дел. Еще пара секунд, и он увидел хозяйку квартиры: лет семидесяти, полная, с подведенными и крашенными в иссиня-черный цвет бровями, отчего лицо ее казалось бледным, а зубы темными.

Виктор разрешил ей взять корочку в руки и ознакомиться с ней поближе.

– Вам сколько лет? – спросила женщина.

– Двадцать семь.

– Для капитана вы слишком молоды.

– Я молод для подполковника. Но начальство ко мне не прислушивается. Можно задать вам пару вопросов?

– Проходите. – Она вернула удостоверение и посторонилась, пропуская оперативника в квартиру.

Биленков устроился за круглым столом, бегло огляделся и спросил:

– Давно живете здесь?

– С 1965 года, – быстро откликнулась пенсионерка. И добавила: – Въехала в новую квартиру.

– Она и сейчас как новая, – заискивающе заметил Биленков.

– Угощайтесь. – Хозяйка пододвинула ему вазу с дешевыми конфетами – вишневыми и лимонными, от которых у Виктора всегда ныли зубы и сводило челюсти. Мысленно повесив себе на грудь Звезду Героя, он буквально освободил «лимонку» от фантика, сунул ее в рот и надкусил. Ему показалось, что зубы сомкнулись на оголенных проводах... Он не мог испортить благоприятную обстановку, кроме того ему предстояло обратиться к «положительным качествам личности». А семидесятилетняя личность, казалось ему, проверяла его на вшивость. Во всяком случае, Виктор задался вопросом: почему эта жирная брюнетка к конфетам не предложила ему чаю или просто воды?

Он перешел к тактическому приему, который среди профессионалов называется «создание преувеличенного представления осведомленности следователя», всем нутром чуя, что старуха не отходит от окна и прямо-таки фиксирует, кто и чем дышит.

– Опишите внешность человека, с которым встречался ваш сосед из 71-й квартиры. Я говорю о полноватом человеке чуть ниже среднего роста. В котором часу он приходил к Кравцу?

– А он не приходил.

– Вот как? Можно еще конфетку? И стакан воды, если не трудно.

– Он не приходил, – повторила она из кухни и продолжила, вернувшись со стаканом: – Он встречал Кравца во дворе. Окликнул его, когда тот вышел из дома, и вынул из портфеля какие-то бумаги.

– То есть они разговаривали на ходу?

– Сидели за столом. Видели доминошный стол в середине двора? Я как увидела бумаги на столе, сразу сообразила: Кравец квартиру продает.

– Надо же! – Биленков умело перешел к состоянию восторга. – В точку попали. Мы как раз разрабатываем этого риелтора. Лет сорока пяти, полный, лысоватый...

– Безбровый, – подхватила хозяйка.

– Безбровый? Пожалуй, да. – Видимо, Релизер опустил эту броскую, можно сказать, черту подполковника Янова. Скорее всего, брови у него белесые, издалека он и показался пенсионерке безбровым.

– Курил он как-то странно, – продолжала она. – Сунет половинку сигареты в мундштук, а вторую бросит под ноги. Как свинья.

«Это Янов», – утвердился во мнении Виктор, и во рту у него от накатившего волнения пересохло: вчера член его опергруппы «контактировался» с офицером Главного разведывательного управления. Конечно, Биленков надеялся получить эти сведения от самого Кравца, но теперь уже неважно, что «порочащая товарища связь» ядовитой змеей вылезла изо рта этой старухи.

– О нашем разговоре Кравцу ни слова, – предупредил опер.

– Хотите дождаться завершения сделки?

– Точно. – Он встал. – Мне пора. А вам... – Глядя на крашеную пенсионерку, он с трудом отказался от продолжения в стиле полковника милиции Верченко из «Джентльменов удачи»: «Снимайте парик, смывайте наколки», и крепко, по-мужски пожал ей руку.

Его первоначальный план еще не потерял значительности. Еще можно было подняться к Кравцу, выставить на стол бутылку, дать ему шанс самому рассказать о контакте с офицером ГРУ. Почему бы и нет?

Виктор перекроил план, сочетая неприятное с полезным, все равно ему требовался помощник – перевести оружие из одного места в другое (конечную точку он определит сам и, конечно же, откажется от помощи сотрудника, ступившего на тропу предательства).

Вместе они провели больше шести часов, а Кравец ни словом не обмолвился о встрече с офицером военной разведки...

Поздно вечером Биленков явился к Жердеву с докладом. И чего он не ожидал, так это относительной милости от босса:

– Ну ты пробей его еще раз. Найди возможность.

Виктор и виду не подал, что удивлен, хотя вопрос был из разряда чрезвычайных: «Если не мы его, то он – нас».

– Ладно, пробью, – пожал он плечами.

Оба они точно знали, когда и при каких обстоятельствах пройдет эта непростая, до крайности неприятная процедура.

Убить генерала

Эта первая июньская ночь оказалась ветреной и холодной. Низкие рваные облака, то и дело скрывающие луну, казались Виктору Биленкову тряпьем, наброшенным на старый торшер. Он затаился сигаретой, и, когда луна снова выглянула из-за тучи, лицо залилось двойным светом, как будто внутри у него зажглась лампочка.

Команда «по коням», и они сели в две машины – неприметные, но надежные, угнанные накануне «Жигули» четвертой и шестой модели, машины-невидимки, вытесняемые с российских дорог броскими иномарками.

Биленков сидел на переднем пассажирском кресле «шестерки», управлял которой Сергей Хатунцев по кличке Старый Хэнк. За рулем другой машины сидел коренастый смуглолицый таджик по имени Шевкет. Стартовали они с улицы Короленко, что неподалеку от парка Сокольники, а финишировать должны были в середине Бумажной просеки, проложенной в национальном парке Лосиный остров, с обязательным чекпойнтом в гараже на Ивантеевской улице, благо эта контрольная точка была по пути. «Жигули» прошлепали по лужам, замаскировавшим просевшую, однако без ухабов, дорогу, въехали на безымянную улицу, по обе стороны которой лепились друг к другу металлические гаражи, и где-то в середине этой улицы остановились. Биленков вышел и открыл дверь, вмонтированную в металлическую створку. Шагнул внутрь и нащупав на стене выключатель, он зажег свет. Взору предстала знакомая картина: забитый инструментами и старыми запчастями стеллаж с одной стороны, сварочный аппарат, газовые баллоны и шланги – с другой. Прямо по ходу – смотровая яма. Он спустился вниз по приставной металлической лестнице, повернувшись лицом к двери. Пока спускался, в гараж вошли все, кто находился в «Жигулях», – кроме Кравца. Самый молодой член команды остался за порогом гаража, на подстраховке.

– Помоги-ка мне, – подозвал Хатунцева Виктор.

Сергей спустился к нему, и они вдвоем сняли со стены деревянный замасленный щит, за которым обнаружилось широкое углубление...

Только один Биленков знал характер задания, остальные члены его оперативной группы узнают о нем, когда, говоря военным языком, выдвинутся к объекту. Вот

тогда-то он и «вскроет пакет с заданием». Если бы эту систему, исключаящую утечку информации о сути задания, не придумал кто-нибудь другой, ее придумал бы сам Виктор.

Он включил фонарь-переноску, повесив его на крюк, и его взору предстал хранившийся здесь арсенал. Биленков сразу определился с выбором: пистолеты-пулеметы «кипарис», разработанные на базе чешского «скорпиона» образца 1961 года по заказу Минобороны СССР. «Кипарис» – личное оружие защиты и нападения с эффективной дальностью стрельбы семьдесят пять метров. «Кипарисы» из этого арсенала были оснащены глушителями, магазинами на тридцать патронов и лазерными целеуказателями. Передав шесть единиц этого оружия наверх, он парами передал запасные рожки.

Все его мысли – только о предстоящей спецоперации. Его противник – командующий в чине генерал-полковника с отборным охранным подразделением. Кличка – Лесник, и получил он ее за то, что не расставался с мундиром и имел привычку поглаживать петлицу с вышитой золотом дубовой ветвью, можно было заметить (даже на фотографиях) потертость одной петлицы – она была темнее другой.

Биленков остановил свой выбор на гранатомете револьверного типа. Распаковав коробку с гранатами со слезоточивым газом, он заполнил ими гнезда барабана. В арсенале имелись ручные цилиндрические гранаты, содержащие гораздо больше газа, однако они сгорали медленнее и позволяли обороняющимся укрыться от газа или даже отбросить гранату. Скорострельный гранатомет был способен поставить удушающую заградительную стенку, а потом, как говорят профессионалы, только подбрасывай дрова в топку. Огромный плюс этой модели – относительная бесшумность работы. И если учесть, что обороняющиеся редко пользуются оружием с глушителем, то этот «газовый револьвер» можно было назвать лучшим в своем классе и в конце концов отнести его к штурмовому оружию.

В дополнение к одному гранатомету командир опергруппы раздал членам команды противогазы. Потом, подавая пример, облачился в легкий бронежилет. Рядом, толкая его локтями, облачался в «броню» Старый Хэнк.

– Ты похож на дачника в погребе, – неожиданно заметил он. – Соленья, варенья. Знаешь, чем угостить.

– Ага, – скупое отозвался Биленков. – Давай, взяли.

Вдвоем они поставили деревянный щит на место и поднялись наверх. Остальные бойцы уже погрузили оружие и амуницию, включая надувную четырехместную лодку, в машины, оставив при себе только пистолеты Макарова. Биленков закрывал гаражную дверь, когда услышал у себя за спиной:

– Все сам, сам. Слава богу, за день ни разу не улыбнулся.

Он не стал отвечать на сарказм, как не пытался выяснить автора этой фразы. Просто сделал вид, что ничего не слышал, и первым занял место в машине.

На пересечении Открытого шоссе и Тагильской улицы фары головной машины вырвали из темноты исполосованного световозвращающими вставками патрульного, его характерный жест жезлом и шаг на проезжую часть, призывающий водителя остановиться.

– Прижимайся, – отдал распоряжение Биленков.

Водитель «шестерки» прижался к обочине. Четвертая модель «Жигулей» проехала дальше – чтобы осмотр не начался с нее. Оба водителя тотчас включили аварийный сигнал, поставили машины на ручной тормоз, не глуша двигатели.

Эта слаженная работа не ускользнула от второго патрульного, и он подстраховал товарища, взяв автомат Калашникова на изготовку и прикрываясь дверцей патрульной машины.

Опустив стекло со своей стороны, Биленков дождался постового. Тот представился, назвав свое звание, должность и фамилию, и потребовал предъявить документы. Виктор раскрыл удостоверение:

– Капитан Биленков. Московский уголовный розыск.

Постовой взял корочку в руки и, включив фонарик, прежде всего посветил в салон, разглядывая пассажиров.

- Извините, лейтенант, мы торопимся, – отвлекая его, проговорил Виктор.

- Откройте багажник, пожалуйста, – также учтиво потребовал постовой.

Биленков достал из кармана блокнот и авторучку и приготовился записывать:

- Номер значка, лейтенант. Поживее – мы на задании. Не дай вам бог, сорвать его.

Постовой решил не усложнять себе жизнь и, вернув удостоверение, бросил руку к козырьку фуражки:

- Можете ехать.

Эта опергруппа явно направлялась в парк Лосиный остров, поэтому лейтенант, словно заглаживая свою вину, пояснил:

- Пермская улица частично перекрыта, там ведутся дорожные работы.

- Спасибо. Мы поедем именно по той дороге. Там справа АЗС, если не ошибаюсь.

- Так и есть.

- А на Abramцевской никаких затруднений? Нам нужно выехать к железнодорожному переезду.

- На Abramцевской все чисто, – снова отдавая честь, ответил лейтенант.

Он не ошибся, предположив, что «шестерка» снова займет место лидера. «Четверка», выключив аварийный сигнал, мигнула левым поворотом и пристроилась ей в хвост.

- Видел фильм «Уберем их на обратном пути»? – спросил Тимофей Лебедев.

- Да, – поддержал его Хатунцев, – было бы любопытно узнать...

– Ты рули давай, а ты сиди молча, – осадил кровожадных товарищей Биленков. И все же пояснил – «для тупых». – Мы сейчас на АЗС заедем, автозаправщиков тоже уберем? А эти менты – они уже на нашей стороне. Они будут молчать в тряпку, потому что именно они пропустили нас на охраняемую территорию. Еще вопросы есть?

Больше вопросов не было.

Пополнив баки горючим на АЗС, машины оставили позади Абрамцевскую просеку.

– Здесь потише, потише, гаси огни... – сказал Виктор, бросая взгляд в боковое зеркало заднего обзора, настроенное «под инструктора». Следующая по пятам «четверка» с Шевкетом Абдуловым за рулем также погасила огни, читая сигналы и повторяя все маневры головной машины. – Прижимайся. Включай правый поворот и сворачивай. Смелее, смелее – здесь съезд. Все, выключай сигнал.

Биленков облегченно вздохнул, когда фактически вслепую сначала одна машина, а за ней и другая вписались в поворот под горку.

– Глуши двигатель. Посидим немного. В тишине.

Он сам почувствовал напряжение, как будто машины припарковались у основания ЛЭП. Нервы были натянуты, как струны. Пройдет минута или две, и остальные члены опергруппы узнают о цели задания.

Виктор первым вышел из машины и огляделся. Небо очистилось от облаков, заметно похолодало, лунный рассеянный свет проникал за каждый куст, скрывавший машины от постороннего взгляда. Настоящая линия обороны, подумал он об этом временном убежище.

Оперативники по его команде экипировались. Сейчас группу Биленкова отличало, пожалуй, главное качество: автономность. При себе только то, что им могло потребоваться в ходе операции, ну и, конечно, то, что они использовали особенности местности.

Виктор назвал расстояние до объекта – триста метров, и группа стала подходить к нему по типовой схеме: перемещение, остановка, прослушивание местности, наблюдение, возобновление движения. Ни одна сухая ветка не треснула под ногой, ни один камень не был сбит.

Наконец они подошли к южной стороне двухметрового кирпичного забора. Строения за ним были низкими, и эта спецдача, потерявшая статус правительственной и затерявшаяся в лесопарке, здорово походила на дипломатическую миссию в какой-нибудь африканской стране: низкий дом, низкий флигель, отведенный под караульное помещение, двустворчатые ворота. Приглушенный свет фонарей напоминал отсветы костров, как будто обитатели спецдачи находились в осаде и ожидали выброски продуктов с самолета, подпалив собранный в кучи хворост.

Биленков подозвал товарищей и «вскрыл пакет с заданием»:

– Наша цель – генерал Болдырев.

Кравец, на котором он заострил внимание (тот оказался точно напротив, опустившись на одно колено, а на другом держа «кипарис»), как показалось Биленкову, едва заметно покачал головой, выражая неудовольствие. Но пути назад ни у него, ни у кого-либо из группы не было. Впрочем, Виктор мог и ошибиться, в призрачном свете неверно истолковав этот жест.

– Вы знаете правило: свидетелей не оставлять. В доме, кроме Лесника и его жены, находится его охрана и двое детей. – Сделав акцент на детях, он дал понять, что его оперативной группе поручено не банальное физическое устранение, а натуральная акция устрашения. – Численность охраны – от шести до восьми человек. В темное время суток они совершают обход территории, проверяют жилые помещения, в общем, работают по типу караульного подразделения. Лесник подбирал охрану из числа военных, так что противник у нас серьезный, и относиться к нему призываю каждого с максимальной ответственностью. Охрана объекта ведется с удвоенным рвением еще и потому, что в доме хранится крупная сумма наличных. Это деньги фонда генерала Болдырева. Нам рекомендовано или забрать деньги, или уничтожить их, потому что они являются мощным инструментом для подкупа и подготовки к военному перевороту в стране. Теперь детали. Объект большой, но разбиваться на группы не станем, иначе парами или по одному растворимся в нем. Вот план объекта. – Биленков развернул лист бумаги и включил фонарик. – Проникаем здесь.

«Растворяемся» в тени забора и живой изгороди. Она проходит в семи-восьми метрах от забора. Здесь – в двенадцати метрах от караульного помещения – открытый участок. Его проходим в предельно низкой стойке, парами. Караульное помещение прочесываем открыто – заходим внутрь.

В отличие от закрытого при скрытном прочесывании бойцы могут не входить, а только заглядывать в помещения, осматривать их беглым взглядом и быть готовым к тому, чтобы немедленно открыть огонь по противнику.

Внутри здания им предстояло проявить еще большую осторожность и помнить, что в освещенном коридоре противник, находящийся в темной комнате, может увидеть тень от ног. И еще много деталей, из которых складывалась спецоперация.

План действий опергруппы был прост, поскольку основан он на минимуме информации об объекте, держась, по сути, на трех китах: внезапность, скорость, агрессия.

– Попрыгали.

Биленков уверенно показал место для преодоления двухметрового забора, и первым оказался на его широком гребне, используя в качестве ступеньки сцепленные руки товарищей. Оглядевшись и прислушавшись, жестом отдал команду и уже через пять-шесть секунд встречал наверху Кравца. Еще одна команда, и Кравец спрыгнул вниз. Сместившись в сторону, он прижался к забору и взял оружие на изготовку, сейчас все его внимание было приковано к флигелю.

Эта вспомогательная постройка представляла собой приземистое отштукатуренное здание. Из широких и словно сплюснутых окон, с жалюзи изнутри, лился едва различимый свет. Для Кравца это означало одно: двери комнат открыты, а дежурный свет в них проникал из коридора. Еще один источник света находился над входом во флигель – с торца и ближе к центральному зданию, но дальше от въезда на объект, и, с точки зрения охраны, это был не лучший вариант. Кравец, анализируя ситуацию, уложился в несколько секунд.

Рядом с ним бесшумно опустился Шевкет Абдулов и, давая место очередному оперативнику, сместился в противоположную от Кравца сторону, сосредоточив все свое внимание на караульном помещении, где скопились основные силы противника.

Третьим на территорию генеральской дачи ступил Сергей Хатунцев, как и остальные оперативники, одетый в темную одежду и мягкую обувь. Четвертый – Тимофей Лебедев, пятый – Николай Андреасов. Последний, шестой, – командир группы Виктор Биленков.

Несколько метров они преодолели широким коридором, образованным кирпичным забором и живой изгородью, словно специально созданным для скрытного передвижения. Наконец остался позади самый опасный – просматриваемый и простреливаемый участок пути, и оперативники выстроились вдоль южной, правой от ворот, стены флигеля. Справа же от них на бетонной парковке стояли несколько автомобилей: семейный минивэн «Фольксваген», два пятисотых «Мерседеса» черного цвета и микроавтобус той же немецкой марки.

В помещение они входили тройками. Первые двое шагнули в помещение слева, сразу же давая дорогу третьему. Вторая тройка вошла в помещение справа. Каждый взял на себя отведенный ему сектор помещения, равный шестидесяти градусам, и такая тактика была оправданной: оперативникам не пришлось рыскать глазами по углам, а лишь непрерывно просматривать свой участок и быть готовым отреагировать на любую угрозу.

Первая угроза исходила от человека лет сорока, одетого только в брюки и рубашку. Он рванул пистолет из наплечной кобуры, сопровождая глазами сначала Шевкета, вошедшего первым, потом Билла. Ему удалось справиться с волнением и предохранителем, но тут проход заградила внушительная фигура Старого Хэнка, который, не задумываясь, отстрелял в него форсированной очередью. И это были первые выстрелы в доме генерала Болдырева.

Не выдавая себя голосом, тройка покинула помещение и, не меняя тактики, «зачистила» второе.

Во флигеле находился только один человек. «Он тут неплохо устроился», – прокомментировал Биленков, разрешая товарищам короткую передышку. В этом здании он насчитал три жилых помещения, столовую, совмещенную с кухней, и два санузла.

Обыскав охранника, Виктор, к своему удивлению, обнаружил еще один пистолет – компактный Коровина, крепящийся к икре при помощи самодельной упряжи и скрытый штаниной. Он был разработан в 1926 году и состоял на вооружении сотрудников НКВД и Госбанка СССР. Отличный пистолет для скрытого ношения. Биленков сунул его себе в карман и продолжил обыск, надеясь найти ключи от дома, что намного облегчило бы задачу опергруппы, но нашел только ключи с брелоком от автомобиля. Из удостоверения личности, обнаруженного в пиджаке, перекинутом через спинку стула, он выяснил имя убитого и произнес его вслух:

– Сергей Васильевич Никифоров. Звали бы его Сезамом... – потом бросил взгляд на тело, простершееся у его ног, и тут же обратил внимание на залитый кровью карман рубашки. В нем оказалась пластиковая карта. – Новинка, – пробормотал он себе под нос. – Сантиметр вправо, и Хэнк лишил бы нас ключа.

– Я здесь, – напомнил о себе Хатунцев. – Можешь обращаться ко мне напрямую.

– Угу, – кивнул Биленков и бросил взгляд на часы.

Зачистив тыл, опергруппа поспешила к главному объекту.

Вот она, новинка: панель сканерного замка. Билл вставил карту в щель считывающего устройства и впился глазами в экран панели: сработает или нет? Секунда, и на экране высветилось «открыто», а мгновением позже щелкнул язычок замка. Только бы они не заперлись изнутри... С этой мыслью Билл потянул дверь на себя.

Массивная, бронированная и довольно узкая, оснащенная еще одной новинкой – амортизатором, она подалась легко, и Виктор вбежал в дом. Вслед за ним, не издавая ни звука, проникли внутрь остальные оперативники и выстроились вдоль коридорной стены, прижавшись к ней. В этом узком «тоннеле смерти», где огонь вооруженных охранников мог нанести группе тяжелый урон, они задержались лишь на пару секунд.

Генералу Болдыреву в эту ночь не спалось. Включив настенный светильник, он встал и вышел из спальни. Первым делом заглянул в одну детскую, в которой спала его старшая дочь, потом в другую – к младшей. Она тихо сопела, обняв плюшевого медведя. За последние полгода генерал не помнил ни одной ночи, когда бы вот так, как сегодня, не сделал бы обход. На ноги его поднимала тревога, он всем нутром чувствовал опасность, притаившуся за порогом его дома. Отослать детей к родственникам не было возможности – они тоже опасались за свою жизнь и натурально открестились от него, назвав «гэкачепистом», к тому же детей, когда они рядом, защитить намного проще. А тут еще огромная сумма денег, которая могла привлечь сюда бандитов всех мастей. Генерал едва выдерживал этот груз, но отказываться от намеченной цели не собирался. За ним – будущее, под таким лозунгом за него пойдут голосовать те, у кого осталась совесть, а таких в стране пока еще было большинство.

Он насторожился, потянув носом, и уловил аромат свежего воздуха – видимо, где-то было открыто окно. Он решил посмотреть, может, кто-нибудь из охранников открыл его или же кто-нибудь вышел из дома.

Затянув потуже пояс на халате, спустился по лестнице, всматриваясь в тускло освещенный холл и думая при этом, что количество светильников можно было бы увеличить.

В этот момент дверь в столовую открылась, и генерал увидел старшего офицера охраны. Он окликнул его по имени, но тот даже не повел головой в его сторону, стоял, как вкопанный. Куда он смотрит?

Генерал проследил за его взглядом, и волосы у него на голове встали дыбом при виде смерти, прижавшейся к стене. Прежде чем прозвучал первый выстрел, он успел развернуться и кинулся вверх по лестнице. Пули простучали по перилам и по стене, отбивая от нее куски штукатурки, а генерал казался замороженным. Путь наверх был коротким, но Болдыреву казалось, что он будет подниматься по лестнице вечно. В такт его шагам внизу отработало какое-то оружие, и даже он, военный, не смог определить его тип, хотя в спокойной обстановке, на том же полигоне, с большей долей вероятности назвал бы 40-миллиметровый гранатомет. Гранаты отскакивали от стены и падали на пол. Зашипела одна, выпуская облако слезоточивого газа, другая. Генерал не мог остановиться и, задержав дыхание, влетел в это ядовитое облако, мгновенно потеряв

ориентацию, как будто его закружили с закрытыми глазами. Руками нащупал стену и пошел вдоль нее. Один шаг, второй, и нога его провалилась, а сам он скатился вниз по лестнице. Через пару минут открыв глаза, которые показались ему протезами, он ничего не увидел, зато слышал все. Сверху раздался громкий крик жены, потом ее раздирающий кашель, стук упавшего тела. Генерал что-то выкрикнул, но крик его потонул в автоматной очереди. Внизу завязалась перестрелка. Громкие выстрелы против едва различимых...

Лебедев в упор смотрел на охранника, на сигарету у него во рту, а когда она упала на пол, придавил спусковой крючок «кипариса». Он выступил своеобразным стартером и буквально завел команду. По генералу отстрелялись Хатунцев и Андреасов, к ним примкнул сам командир со своим грозным оружием. Еще не успела «выпустить пар» последняя граната, а он уже начал ставить дымовую завесу на первом этаже. Из столовой поперли, как тараканы, охранники. Двоим удалось вырваться и открыть огонь. Лебедев припал на колени и ответил длинной очередью, загоня охранников обратно. Стоны, мат, крики. Приказ приглушенным, сквозь противогаз, голосом:

– Кравец, со мной наверх! Остальные работаем внизу!

Лебедев добил короткой очередью корчившегося на полу охранника и сменил магазин. Старый Хэнк рванул в столовую, расчищая себе путь форсированными очередями. Его прикрывал Шевкет, со стороны казалось, что он прятался за его спину, но это только казалось: в столовую они входили по той же схеме растекания вдоль стен. Хэнк ушел влево, Шевкет – вправо, поливая помещение плотным огнем. Лебедев подчищал за ними прицельными выстрелами: добил второго и третьего. Еще один выдал себя стоном, и Лебедев прекратил его мучения короткой очередью из «кипариса». Другого прикончил Андреасов.

– Слушаем! Считаем! – взял на себя функции командира Хатунцев.

Они прислушивались, готовые снова открыть огонь по затаившемуся противнику, и считали убитых.

– Четверо!

– Есть четверо!

– Двое в холле!

– Шестеро!

Один остался лежать в караульном помещении. Всего семь человек. Согласно оперативным данным, охрана генерала составляла от шести до восьми человек.

– Семь! – снова громко, чтобы слышали все члены команды, выкрикнул Лебедев.

Андреасов и Хатунцев прошли на кухню, страхуя друг друга, и вернулись, никого там не обнаружив. Хэнк отослал Лебедея в подвал, сам остался наверху, и первое, что сделал, это настежь распахнул окно, проветривая помещение.

Генерал лежал на площадке, вывернув руку, и тщетно пытался подняться на ноги. Другой рукой он то ли закрывал лицо, то ли робко показывал вверх. Биленков пустил очередь ему в голову, и пули как будто прошли через растопыренные пальцы Лесника. Его челюсть двигалась, как будто он хотел что-то сказать, но то были предсмертные судороги.

В коридоре на втором этаже лежала женщина. Она была без сознания. Биленков перешагнул через нее, отдавая ее Кравцу, и услышал за спиной прошипевшую автоматную очередь. Знаком дал ему команду – идем направо, и открыл одну дверь. Спальня. Постель разобрана. В комнате никого. Скорее всего, на этой кровати спала та женщина, которую они с Кравцом оставили в коридоре. Биленков задержался в этой комнате – один, поскольку «зачистка» теперь, когда охрана была обезврежена, носила сугубо формальный характер. На скрипнувшую дверь платяного шкафа он отреагировал моментально: вскинув «кипарис», отстрелялся по нему длинной очередью, опустошая магазин. Сместившись в сторону и припадая на одно колено, выхватил пистолет, но тотчас опустил его. Дверца платяного шкафа распахнулась, и Виктор увидел девушку лет семнадцати. Ее ночная сорочка была в крови. Она держала руки на груди и тряслась, как от холода. Девушка была уже мертва, только не знала этого. Билл не мог оторвать от нее взгляд; длилось это считанные мгновения, а ему казалось, прошли минуты. Он вышел из спальни, когда ноги ее подогнулись, и она завалилась на бок.

Опустившись на одно колено и опираясь локтем о пол, Кравец смотрел на девочку лет восьми, спрятавшуюся под кроватью. Поза у него была крайне неудобная, и он сменил ее – лег на бок. Направив на девочку пистолет с глушителем, выстрелить в нее он все же не решился. И вздрогнул, когда за спиной у него раздался голос:

– Что у тебя?

Игорь сглотнул. Громко, как показалось ему. Боясь быть непонятым, он положил пистолет на пол так, чтобы закрепленный на нем фонарь не бил девочке в лицо, и приложил палец к губам: «Молчи!» Биленков не мог увидеть его манипуляции – для этого ему самому нужно было прилечь рядом. Но поняла ли его девочка? Она не отреагировала на его жесты: все так же лежала на животе, прижав к себе плюшевого мишку.

– Чисто! – наконец ответил Кравец, снова обхватывая рукоятку пистолета. Встал и, избегая взгляда командира, вышел из комнаты.

Биленков пошел следом, но на пороге остановился и, развернувшись, впился глазами в пространство между кроватью и полом. «Чисто?..» Нет, ему так не показалось.

Он медленно подошел к кровати и повторил недавнюю позу своего подчиненного: опустился на колено и оперся локтем о пол. Свет фонаря вырвал из темного пространства девочку, и она показалась ему забившейся в норку лаской.

«Значит, у него все чисто...»

Виктор поднялся на ноги, выглянув в коридор, жестом руки подозвал Кравца и, понизив голос до шепота, направил луч света на кровать:

– Почему ты не убрал девчонку? Только не говори, что ее не видел!

– Ей нет и восьми.

– Значит, я должен подбирать за тобой мусор? – Перед глазами Биленкова во весь рост встала убитая им девушка, и он тряхнул головой, прогоняя видение. – Ну, долго будешь тянуть резину?

– Я не понимаю тебя: мне действительно убить ее?

– Нет, бля, погладить по голове!

Биленков смотрел на Кравца, как на идиота, и его все больше настораживал растерянный вид Игоря. Он бы постарался понять его, если бы тот в оправдание сказал: «Моей младшей сестре восемь. Она же еще ребенок». Но и в этом случае Биленков легко парировал бы этот «детский выпад»: «Другими словами, если бы у тебя не было сестры, или у тебя был бы брат, ты бы не трепался сейчас?» Он бы понял твердый отказ, пусть даже завернутый в красивый фантик: «Я не возьму грех на душу». Тогда в чем же дело? В чем причина растерянности младшего товарища? Уговаривать его долго, приказывать – бесполезно, только время потеряешь.

Виктор снова подошел к кровати, распластался на полу и направил луч света на девочку. Он смотрел на нее секунды, а ему показалось – целую вечность. Боковым зрением увидел пыль на полу, паутину в углу, бумажные шарики, которые, скорее всего, под кровать загнала кошка, взвел курок пистолета и выстрелил. Девочка вскрикнула. Он выстрелил еще раз. Встал и, убрав пистолет в кобуру, вытолкал Кравца из комнаты.

Как из-под земли перед ним вырос Тимофей Лебедев.

– Видел фильм «Кажется, мы нашли бабки»?

– Так вам кажется, или вы их нашли?

– Несколько мешков. Обалдеть можно!

– Несколько – это сколько, пять, десять, сорок пять? Что с вами такое сегодня!

– А с тобой что такое? Ты чего шепчешь-то?

– А ты чего орешь?

Биленков закрыл дверь в детскую и только после этого заговорил в полный голос:

– Так вы нашли или не нашли бабки?

– Нашли, нашли. Пять... да, точно пять мешков.

– То есть не пять миллионов или там пять миллиардов, а пять мешков с деньгами?

– Точно, с деньгами. Четыре – набиты рублями, в пятом – баксы. Я даже в кино столько не видел.

– Задолбал ты своим кино! Пойдем посмотрим на твое чудо.

Оперативники спустились в подвал, две стены которого были заняты под стеллажи. Биленков сразу обратил внимание на запасной выход из подземного этажа – в виде новомодных в России подъемных ворот с торсионными пружинами. В центре помещения, точно под спаренной лампой дневного освещения, лежал труп мужчины. «Телохранитель генерала или хрен его знает кто», – подумал он и решительно перешагнул через «восьмого» прямо к брезентовым мешкам. В первую очередь его заинтересовал баул с долларами. Виктор походил на наркодилера, который вспарывает пакет с кокаином и пробует его с кончика ножа. Острым лезвием он надрезал низ мешка и вынул пачку. Перелистал, не вскрывая банковской бумажной ленты. Верхняя пачка не вызвала у него сомнений. Значит, никаких там «кукол» или фальшивок. И все эти деньги, как предупреждал Жердев, были предназначены для организации беспорядков, подкупа чиновников и милиции: «Грязная кампания за честные выборы».

Виктор подал пример, взявшись за «рублевый» мешок и вываливая его содержимое на бетонный пол. Абдулов, Лебедев и Кравец опорожнили остальные. На стеллаже оказалось немного горючего: бензин в прямоугольной жестяной банке («для понта», подумал Биленков), растворитель для масляной краски, олифа, – но этого хватало для того, чтобы куча денег превратилась в кучку пепла. Проткнув жестянку сверху и снизу, он облил деньги бензином и

усмехнулся:

- Коктейль Молотова, рецептура Биленкова.

- Рецептура? – переспросил Хатунцев и, нечаянно плеснув на одежду олифу, чертыхнулся.

- Ну, – подтвердил Биленков. – Рецептов – выше крыши. Есть даже рецептура Че Гевары: три четверти бензина и одна треть машинного масла. А вот финны к смеси спирта или бензина добавляли деготь или гудрон.

- Ты прямо ходячая энциклопедия. Интересуешься всем, что горит и шевелится?

- Пока горит и шевелится, – сострил Виктор, представляя себе корчившуюся на огне жертву. – Ну все, парни, пора закругляться, а то будем болтаться здесь до самого Нового года.

- Лето только начинается, – обронил Старый Хэнк.

Шевкет забрал баул с долларами и, пятясь, покинул помещение. Последним вышел Биленков, держа перед собой пробитую банку, из которой продолжал вытекать бензин. Прежде чем закрыть дверь подвального помещения, он щелкнул зажигалкой и поджег высокооктановую дорожку.

«Смесь Биленкова» загорелась быстро, но без характерного хлопка, как это бывает с чистым бензином. Командиру группы была поставлена задача – уничтожить только деньги, и он с ней, похоже, справлялся: огонь в этом каменном мешке погаснет в тот момент, когда сгорит последняя купюра, поглотив последний глоток кислорода... Дом устоит. Чего ему сделается? В нем поселится другой генерал или кто-нибудь покруче.

Они выходили из дома, как будто под дулами автоматов сдавались в плен, только что руки не поднимали. Первым на площадку бросил оружие Сергей Хатунцев: вначале на бетон полетел «кипарис», потом пистолет, сверху «накрыл» противогазом. Вторым с оружием расстался Кравец. Биленков следил за каждым движением оперативников – не утаит ли кто-нибудь из них пистолет...

Настала его очередь, и количество огнестрельного оружия выросло до тринадцати, горку оружия венчал гранатомет. Четырнадцатый ствол – личное оружие самообороны – находился в самодельной кобуре Билла.

Сброс оружия – это его личная инициатива. Он опасался, что кто-нибудь из команды получил от Жердева дополнительные инструкции, и по этой причине следил за каждым жестом товарищей и уловил бы сомнение или нерешительность даже в случайно брошенном взгляде. Плеснув на вооружение последние капли бензина, Виктор снова щелкнул зажигалкой. Первыми загорелись, выбрасывая в небо черный дым, противогазы...

Когда все закончилось, он занял место на заднем сиденье «шестерки», уступив переднее Кравцу. Глядя на его заросший затылок, отдал распоряжение Хатунцеву:

– Поехали, поехали, Хэнк. Шевели поршнями. – И только сейчас назвал пункт назначения: – Машины оставим на Яузе.

– Яуза большая, – перебил было его Хатунцев.

– Езжай к Богатырскому мосту. Между мостом и железнодорожным переездом на Рижском проезде есть съезд, я покажу. Мне нужно кое-что обдумать. Поедем молча.

– Как скажешь.

Не обиделся ли Хэнк? Эта старая сволочь только маскировалась под ужа, безобидная раскраска скрывала под собой кожу смертоносной гадюки. Он может затаить злобу и натурально выплеснуть ее в удобный для него момент. Надо бы с ним помягче... в эти последние минуты.

– Не торопись. Езжай спокойно – как ты умеешь.

– Вот так? – Старый Хэнк, включив поворотник, как курсант автошколы, аккуратно объехал возвращавшийся обратно грейдер.

– Да, так, – машинально поддакнул Биленков. Он вдруг вспомнил свою первую беседу с Хатунцевым. Тот дал согласие влиться в коллектив Ситуационного центра, перебив Виктора на полуслове: «Это много лучше, чем торчать в этой дыре без работы». Он жил в районе 54-го километра МКАДа в доме напротив железнодорожного переезда и от постоянного шума днем и ночью потихоньку сходил с ума.

От дома Лесника до места, названного Биленковым, было рукой подать. По Богатырскому мосту проходила одноименная улица, соединяющая два шоссе – Богородское и Белокаменное. Это был старый кирпичный мост с пешеходным, автомобильным и трамвайным движением. Низкий, с лестничными спусками на набережные, он стал первой преградой для судоходства на Яузе. Чтобы не нарваться на патрульную машину, Хатунцев подъехал к железнодорожному переезду через безымянные аллеи национального парка и уже с Яузской аллеи свернул к реке. Впереди обозначилась дорога на Богатырский мост, и Биленков со своего места подсказал:

– Езжай прямо.

Асфальтовая дорога закончилась, машины затрясло на грунтовке, слегка раскисшей от недавнего дождя. Подавшись вперед, Билл зорко всматривался в дорогу в ожидании съезда к реке.

– Поворот!

– Слева, справа?

– Слева!

– А, теперь вижу.

– Сворачивай. Притормаживай. Стоп! Гаси огни. Посидим немного, прислушаемся.

Биленков открыл дверцу со своей стороны, Хатунцев – со своей, и салон «Жигулей» превратился в раковину, можно было различить даже поток воды,

катящийся к другому мосту – Оленьему.

Прошло три или четыре минуты. Сказав себе «пора» и переложив пистолет Коровина в карман куртки, Виктор вышел из машины. Задержал Хатунцева:

– Включи-ка ближний свет, – и сел на капот «шестерки».

Оперативники были вынуждены встать в свете фар, как артисты перед рампой. А единственным зрителем был Биленков, и ему откровенно понравилась декорация: подсвеченные кусты, в его представлении походившие на австралийский буш, резкие тени, отблески на быстрой, казалось, реке. Впрочем, он недолго оставался на капоте. Со словами: «Всеу когда-нибудь приходит конец», – покинул свое место и, открыв багажник, вернулся уже с тяжелым баулом. Доставая из него по одной пачке долларов, разложил на капоте содержимое на шесть кучек, и каждая получилась в форме пирамиды.

– Как на рыбалке, – нарушил молчание Хатунцев, приковав свой взгляд к деньгам. – Мы с соседями объединялись в артель, рыбачили, раскладывали улов на кучи. Потом все отворачивались, кроме одного. Он-то и показывал на горку рыбы и спрашивал: «Кому?» Кто отвечал «мне» или поднимал руку, получал эту свою часть. И так до конца, пока каждый не получил свое.

– Пока каждый не получит свое, – повторил Биленков и поднял на Хатунцева глаза. – Справедливо. Только непонятно. На кой хрен вы отворачивались? Что, кучки были неравные?

– В том-то и дело.

– Вы собирались в артель, так?

– Так.

– А в артели, как в бане, все равны. Почему же кучки были разные? – начал заводиться Билл. – Ради спортивного интереса, что ли? Или этажи в расчет принимали? Этот живет на первом, этот на пятом. Этому больше, этому меньше...

- Потому что рыба разная была: бель, щука, линь.

- Ну и?..

- Допустим, попало в сети шесть щук - на шесть, пять, четыре, три, два и один килограмм. Каждому хочется щуку, правильно? Та кучка, что поменьше, восполнялась белью или линем.

- Значит, в одной куче могла быть всего одна щука, но большая, а в другой - одна бель и маленький щурок. Но вес у всех кучек одинаковый.

- Ну да.

- Вот здесь, - простер руку над равными кучками Виктор, - одни только доллары. Никаких марок, франков и рублей. А мы не на рыбалке.

- Мне встать в строй?

Биленков помедлил с ответом, хорошо понимая причину, по которой отчасти дурачился ветеран: никогда еще доли не были такими внушительными. Капот советской машины мог прогнуться и от одной доли, чего уж говорить о целых шести?

- Подойди, - позвал он Хатунцева. - То, что я скажу тебе, относится ко всем нам. С этого момента нашей опергруппы больше не существует. Спокойно! - Он погасил волнение жестом руки. - Не все так просто, как может показаться с первого взгляда.

«Спокойно». Виктор усмехнулся. Он сам ждал этого дня, но не думал, что он наступит так скоро и неожиданно. Можно было, пожалуй, подождать еще пару лет. Но если в качестве компенсации такие деньги, то это многое оправдывает.

- Бери любую «пирамидку», - предложил он Старому Хэнку. И когда тот сгреб в охапку кучу долларов, подтянув полу куртки, чтобы не уронить их, продолжил: - Есть четыре примечания. Первое: друг друга не искать, а при случайной встрече отворачиваться. Вернись на место, Хэнк, а ты, - Биленков указал на Лебеда, - подойди и возьми свою долю. Второе: держать рот на замке. Впрочем... можете

писать мемуары. Первый том – на свободе, второй – на зоне. За убийство срока давности у нас никто не снимал. Лично я понимаю это так: или жизнь в страхе на свободе, или без страха в местах заключения. Я выбираю второе. Почему? Потому что знаю, что страх со временем притупится, а потом и вовсе исчезнет. Я забуду и этот эпизод, и десяток других.

Место Лебеда занял Шевкет Абдулов. Глядя, как тот складывает деньги в снятую куртку, Виктор снова заговорил:

– Третье. Преодолеть что угодно нам помогали правила, обязательные для каждого члена опергруппы. С трудностями, с которыми нам предстоит столкнуться в дальнейшем, каждому в отдельности поможет справиться самодисциплина. Четвертое: считайте, что вы переезжаете к новому месту работы, и вам положены подъемные.

Настала очередь Андреасова. Пока Биленков обращался к нему, его рука в кармане уже обхватила рукоятку «коровина»... Несмотря на малые габариты и калибр, он не был «условно-боевым». Пробивная способность его впечатляла: с расстояния двадцать пять метров пуля пробивала пакет сосновых досок общей толщиной восемь сантиметров. В снаряженном состоянии вес его не превышал полкилограмма.

– Игорь, твоя очередь. – Когда к машине подошел Кравец, Биленков встретил его цитатой из Джорджа Мартина «Пир для воронов»: – Знаешь, что хорошего в героях? Они все умирают молодыми. А нам, грешным, больше женщин из-за этого достается. – Он обежал каждого острым взглядом, но ни у кого в глазах не увидел поддержки. – Если бы у тебя было пятнадцать секунд, что бы ты мне сказал? – Выхватив пистолет, мгновенно пресек попытку Кравца броситься на него: – К воде! Пошел к берегу, ну! У тебя осталось двенадцать секунд! Тебе что, нечего сказать нам? Семь... шесть... пять... две... одна секунда! У тебя нет ничего!

И Биленков выстрелил Игорю в голову с расстояния в один метр, считай, в упор, и кровь из раны брызнула ему в лицо

– Вот и все. Прощай, – столкнул он тело Кравца в воду. Через пару мгновений его закружило в водовороте и вынесло за излучину.

– Кто следующий? – нарушил молчание Хэнк.

– Ты – если не заткнешься. Он, – стволом пистолета указал на воду Виктор, – был агентом ГРУ и сдал бы нас уже сегодня. Давайте поторопимся.

Он вытащил из багажника надувную лодку и бросил под ноги Шевкету. Вместе с Андреасовым они расправили ее и подсоединили к клапану баллончик с углекислым газом. Лодка быстро, в считанные секунды, приобрела форму. Спустив ее на воду, стали ждать команды Биленкова. Открутив крышки с бензобаков, он и Старый Хэнк готовили машины к взрыву. Когда он прогремел, боевики успели сесть в лодку и отгрести от берега.

– Пятеро в лодке, не считая собаки, – сказал Биленков, сплюнув в воду.

Течение несло их к Оленьему мосту, а дальше их поджидал Глебовский мост. Автомобильные дороги сейчас кишели милицейскими нарядами, в городе объявлен план «Перехват», и Яуза была самой безопасной «магистралью»...

Полтора месяца спустя

В 10 часов 30 минут ровно генерал-полковник Лысенков снял трубку телефона правительственной связи.

– Здравствуйте! – приветствовал его бархатистый баритон, даже по телефону звучащий красиво. – Вас беспокоит руководитель аппарата президента Дмитрий Жердев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nesterov_mihail/vozmezdie-nikogda-ne-pozdno

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)